

Любовь

Медведева

ЛЮБОВЬЮ ЖИЗНЬ ОЗАРЕНА

* * *

Заметались, забились, как птицы, слова.
Перед холодом? Перед разлукой?..
После боли великой я всё же жива
Половиной души близорукой.

Дальнозоркой давно меня не назовёшь,
Но когда небеса розовеют,
Сердцем чувствую
 зыбкую мелкую дрожь:
Веет будущим, радостью веет.

Лист листу полушёпотом дарит намёк,
Кожей лёгкое чую шуршанье,
Если кто-нибудь рядом, как я, одинок,
Так же страстно готов к пониманию

Не людей, так деревьев
 за тусклым стеклом.
Отметаю свободно любые обиды.
За любовь и усладу всегда поделом
Воздаётся.
Вновь из дому выйдут

Перевитые светом медовым стихи,
Подпоясанные поговоркой,
Словно девушки перед венчаньем тихи
Перед истиной жаркой и горькой.

Мухоловкой юркой ныряет в кустах
Нежный маленький ангел бесплотный.
И чирикание в клюве, и вздох на устах
Словно сердца влюблённого клёкот.

* * *

Ночами мы не о себе поём,
Чужие голоса выплёскивает горло.
Струится ночь – вселенский водоём.
Над нами вечность
 крылья распростёрла,

Как Алкониет, алкающий печаль,
Как Гамаюн, вещающий погибель.
И в голосе позванивает сталь,
И ветер горя в окнах стекла выбил.

Но странные певучие слова
Рука моя неторопливо ловит.
Рассвета звуки сладко целовать –
И строки неожиданные молвить.

Ночами мы с друзьями говорим.
Кто там? Кто здесь?
 Теперь уже не важно.
Воркует сердце птицею Сирин,
На ветке вечности оно поёт протяжно.

Подруга подпевает высоко,
Уносит к звёздам дрогнувшие ноты.
Ночь полнится не тусклою тоской,
Дом напоён любовью и заботой.

Придумал кто-то, что душа одна
Не смеет, не умеет оставаться.
Как камушек в ручье, она видна:
Не наглядеться
 и не оторваться.

И души близких рядышком видны,
Сверкают разноцветными боками.
Мы не бываем никогда одни
И друг о друге помнить привыкаем.

Жизнь из разлук,
но нас не разделить

На семьи,
племена и поколенья.

Огонь потух.

Но всё-таки болит

В живой душе угаснувшее жженье.

Как Данте за Вергилием, идёшь
По всем кругам распахнутого Ада.

Твердит Вергилий

или шепчет дождь:

Сквозь пропасть лжи –

на свет великой правды...

* * *

Откуда вдруг отчаянная сила,
откуда вдруг негаданная стать?
Простой судьбы у Господа просила,
А он решил мне эту муку дать.

Обжалованью жизнь не подлежала,
Но даже Господу порою было жаль,
Как раз за разом лезвием кинжала
В меня вонзалась жаркая печаль.

Что слёзы лить, когда удел известен.
Дыши и пой, пока дыханье есть.
И оставаться словом общей песни –
Особая безвременная честь.

Полёт мой будет этим лишь отмечен,
Когда замрут внезапно два крыла:
Печаль людей ложилась мне на плечи,
Пока я облегчать её могла.

На самом краешке тускнеющего света
Предвижу сердцем ясную зарю.
Другим Господь подарит чудо это,
Заранее его благодарю.

* * *

Слова не стоит городить:
Нет никакого толку.
Но сердце выгорит в груди,
Тогда навек умолкну.

Тогда, когда пройдут года...

Сейчас наполовину
В живых оставила беда,
И я пока не сгину.

Хотя отчасти нет меня
На шумном белом свете,
Поля весной к себе манят,
Приносят радость дети:

Дают слонёнка поиграть,
Рисунки щедро дарят..
Прибил мои надежды град.
Но солнце снова шпарит.

Меня не надо понимать,
Не стоит знать причину,
Но тёмный двор голубоват
Пока наполовину...

* * *

Художнику В. Калинину

Ушел однажды человек.
Примятая упала шляпа.
Пальто на стуле –
прошлый век –
Оставил на прощанье папа.

Не вещи, тени:
есть конец
У доброго родного света.
И слово строгое «отец»
Погасло в середине лета.

Как плач, как детский лепет вслед
Душа прошепчет тихо: «Папа».
А он ушёл, и больше нет
Вещей привычных в недрах шкафа.

Лишь серебристая печаль
Струится на картинах сына.
Ушёл и глуше замолчал,
Теперь уже непоправимо.

Но рядом теплая постель –
Игрушки, брошенные внуком,
Как будто жёлтой птицы трель
Сердца растормошила звуком.

И стало ясно: день кипит,
На грядке созревает солнце,
Нагуливая аппетит,
К реке за дедом внук несётся.

Вдогонку иволги свистят.
Малиновки выводят трели.
Смеётся с дедушкой дитя,
Жизнь до краев полна веселья.

...Однажды человек ушёл,
погасли, потускнели вещи.
Остался стул, остался стол
И острые морщины трещин.

Семья уселась за столом,
накрытом скатертью нарядной.
Уходят все. Но дело в том,
Родные остаются рядом.

Жена тарелку принесёт,
Внук фото старое достанет:
– Как будто дедушка живёт
И ужинает вместе с нами.

* * *

На границе между тем и этим светом,
Как в сторожке с кошкою вдвоём,
Привыкаю к теням незаметно,
От людей всё дальше с каждым днем.

Не зову, они и не приходят:
Привечать знакомых не с руки.
И стучатся в окна мне сегодня
Лишь синицы или мотыльки.

Не умею больше огорчаться:
Лист берёзы с воли залетел,
Чтоб с холодным ветром не встречаться,
На постель, на краешек присел.

Помолчим. А что болтать без толку,
Наконец приелся шум и гам.
Напевали листья без умолку
И шептали в такт моим шагам.

Мне теперь порадовать их нечем:
В горле хрип, переходящий в скрип.
Кошка щедро согревает плечи,
Лист к окну намокшему прилип.

Нет печали и тоски суровой,
Дробь по крыше выбивает дождь.
И приходит ласковое слово
Даже в день, когда тепла не ждётся.

* * *

Лист к листу – суета золотая.
Время вырвалось птицей из рук.
А теперь и листва улетает,
Потянулись деревья на юг.

Но не стоит берёзам прощаться,
И не впору грустить тополям,
И нелёгкое счастье – остаться
Среди холода – выпало нам.

Землю крепче сжимая корнями
И тяжелые валуны,
Не прощаемся: родина с нами,
Как деревья – корнями сильны.

Нам вовек не лишиться доверья
Чистым снегом спелёнатых гор:
Мы на месте, стоим как деревья,
Охраняя родимый простор.

За долами услада и радость,
И лениво пасётся жара.
Я на сивую тучу усядусь –
Полетаю на ней до утра,

Почешу у жирафа за ушком,
Посмотрю, как храпит бегемот.
И назад моя туча-подружка
Слома голову вдруг понесёт.

Где нас не было, лучше кому-то,
Бесконечен назойливый зной:
Даже непривередливых уток
Нестерпимо потянет домой,

Чтоб вернуться в родное болото,
В зачарованном жить камыше.
Тяжелей на чужбине
бесплотной
Бесприютной российской душе.

Небеса над домами другие,
И немолчная жёсткая речь.
Дорогая земля, помоги мне
Голос родины в сердце сберечь.

Чтоб иные наречья не сбили
Строй былинный,
певучий размер,
Что веками всходил без усилий,
Стал опорой духовной теперь.

И когда суета золотая
И лиловая канитель,
Не деревья от нас улетают,
Листья в новый стремятся апрель.

Корневое и крепкое с нами:
Одолеем непрочную смерть.
От мороза потрескались камни,
Но подснежникам свежим гореть.

Но жаркам подле гор зажигаться,
Юной марье-коренью пылать,
Озаряя земное пространство,
Часть небесного освещать.

Мы взошли,
упираясь корнями,
Подле вольной воды Иртыша,
И, упорно ворочая камни,
Над землей возростала душа.

С ней она неразрывна вовеки.
Да и некуда нам убежать;
Ни к чему нам молочные реки
И кисельные их берега.

* * *

Жизнь и сама по себе хороша:
Как не полюбишь её, озорную?
Будто бы в дудочку дую резную
Над величавой водой Иртыша.

Перетекают одна за одной
Светом нефритовым полные волны.
Блеск и сиянье в течении вольном
Переплывают на берег иной.

Там тишина почти невыносима:
Рыба всплеснёт да занует комар.
И откликается голосом сына
Заводи сонной угрюмая хмарь.

Время утрачено и не вернётся,
Сколько угодно зови!
Сына не вижу, но он остаётся
Гулом тяжелым в крови...

И, повинуюсь гипнозу потока,
Видишь, не видя, что жизнь хороша.
Берегом дальним гуляет осока,
О невозвратном тоскует душа.

Вынь да положь сети, полные рыбы,
Вишни отборной – ведро!
Жить-поживать мы три жизни могли бы,
Но обрываясь хитро,

Радость бежит прямиком к ребятишкам,
Что у реки шебуршат.
Жадничать полно:

отмеряно с лишком.
Сильной водой захлебнулась душа.

Только волна отпустила на берег
Помнить, как время течет,
Видеть, как мальчик удочкой мерит
Радостный солнцеворот.

Всем без изъятия беда достаётся,
Целые страны сметает вода.
Мальчик над малым уловом смеётся,
Солнца сияет слюда.

* * *

Время открыло прозрачные створы:
– Вот тебе прошлый и будущий день!
Нет настоящего; к западу споро
Перемещается тень.

В кратком мгновении, в узком зазоре
Не разглядеть ничего;
Поле обзора из щели в заборе
Только десяток шагов.

Мама малину в кустах собирает,
Ловит кузнечиков сын.
Столько же видно изгнанникам рая
В миг торопливый один.

Только негаданной памяти зренье
Вдруг возвращает назад:
Слышится мамы весёлое пенье,
Бабочки к сыну летят.

Кажется, ты никому не заметен,
Но, щекоча, на руке
Четверть мгновения пляшет кузнечик,
Сын прикоснулся к щеке.

Всё исчезает, но след поцелуя
Жаром на коже потом.
Время открыло мне тайну шальную –
И позабыло в пространстве пустом.

* * *

Приду к достойному концу,
Крест-накрест руки сами лягут.
Слова, познавшие отвагу,
мне были к сердцу и к лицу.

Не только мужеством одним,
Но женской терпеливой статью
Я выпевала гневный гимн
О силе чёрного проклятья.

Сулили предки беды впрок,
Дарить отчаянье привыкли.
Но смело свето-сила слов
сжигала бесноватых крики.

А после серебрилась тьма,
И ночь была полна сияньем,
Светились изнутри дома
И недостроенные зданья.

Неугасимый тёплый свет
В грядущем городе гнездится.
Мы здесь, когда нас больше нет,
Но есть заделье возвратиться.

* * *

Внезапно жизнь окажется такой,
Какой я прежде никогда не знала:
Не отвести нагрянувший покой,
Как лезвие разящего кинжала.

Покой и воля! – И надежды нет
На новое души преображенье.
Так настигает нестерпимый свет,
С уставших плеч снимая напряженье.

Вот что такое вольные поля:
Земля свободно переходит в небо.
Со мной прощаясь, листья шевелят
Ладонями –
и наступает небыль.

Светящаяся суть небытия
Пока ещё даётся сердцу с болью.
Ещё жива, уже забыта я,
И Господу ни в чем не прекословлю.

Приходит время завершать дела,
Как ёмкую решительную фразу:
Так много боли в сердце приняла,
Но умереть не торопилась сразу.

Колола ноги жёсткая стерня,
Бог уводил от суесловья к храму.
Друг другу люди кровная родня,
Но мы не верим этому упрямо.

Кому угодно ласку отдаём,
 Цветам и птицам,
 не друзьям-знакомым.
 И, одолев предательский подъём,
 Друзей-врагов
 решительно не помним.

Но были же счастливые слова
 И лёгкие порхающие платья!
 Судьба не может вечно баловать
 И никогда не размыкать объятия.

Не люди плохи. Времени недуг
 Терзает и доводит до могилы.
 Произношу всё реже слово «друг»,
 А прежде всех без памяти любила.

Почти убитая, я всё-таки люблю
 Родных и близких,
 но особой мерой.
 И на краю страдания молю:
 Пусть озарит Господь
 любимых верой!

* * *

Любовью звонкой жизнь озарена.
 Свет золотой резные листья копят.
 Он прибывает, как бесценный опыт:
 Разбитая дорога не черна.

Она с утра застелена лучами.
 Бреду одна петляющей тропой.
 Но лётся свет отвесный, нескончаем.
 Просила мама:
 – Чаше песни пой!
 Не плачь, слезами горю не поможешь.
 Безумью дверь не стоит отворять...

Осенний свет непрошено тревожен,
 Но листья чистым золотом горят.

Творится день таинственно-особый.
 Но мама за руку выводит из беды.
 Решительно любовью высшей пробы
 Стираются страдания следы.

Как жизнь назад, поддерживает мама.
 Но мне одной теперь придётся петь.
 Оконные позвякивают рамы,
 Но мамин улыбается портрет.

Пора отринуть траурные вещи.
 И, мамину накидывая шаль,
 Пойму, когда холодный ветер плещет,
 не сломит спину гордую печаль.

Навстречу буре побреду упрямо.
 Как рой листвы, летят ко мне слова.
 Со мною вечно рядом сын и мама.
 Певучий дух попробуй-ка сломать!

Любовью звонкой жизнь моя полна
 И через край душа теплом богата.
 Вернуть назад любимых не вольна,
 Но я сама к ним соберусь когда-то.

Соединяя тот и этот свет,
 Пока пою под небом колокольным –
 И силы есть, когда их вовсе нет:
 Пусть думают, мне не бывает больно.

Подарит осень терпеливый свет.
 Листвой устелена тропинка от порога.
 И лучшая из радостных примет:
 Согрета солнцем
 битая дорога.

